

ПРЕДЕЛЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН – УЧАСТНИЦ ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ НА ФОНЕ КРИЗИСОВ 2020-Х ГГ.

Михаил ВЕДЕРНИКОВ
Институт Европы РАН

Аннотация: На данный момент Вишеградская группа (В4), объединяющая четыре пост-социалистических государства (Венгрию, Польшу, Словакию, Чехию), является наиболее узнаваемым, влиятельным и долгоживущим региональным образованием в Центральной Европе. Впрочем, в последние годы на фоне особого внутривнутриполитического развития и внешних шоков «четверка» вступила на путь перманентного кризиса, который проявился в затухании многих традиционных форматов сотрудничества. В этой связи цель статьи – проанализировать фундаментальные причины начавшейся трансформации, обозначить глубину возможных перемен и обрисовать перспективу последующего центральноевропейского взаимодействия. Отмечено, что с момента образования группы в 1991 г. ее деятельность была нестабильна: за временем бурной активности наступали периоды застоя. Чередувание этапов зависело от множества факторов: политических предпочтений политиков; появления повестки, спланированной в интересах всех четырех государств; благоприятных внешних условий и др. Сделан вывод, что В4 сумела продержаться «на плаву» в течение более 30 лет также за счет организационной аморфности объединения, участия в ее работе множества политических акторов (подчас с противоположными взглядами) и получения странами-участницами определенной добавленной стоимости от сотрудничества. На руку «четверке» играл приобретенный за годы функционирования имидж, в том числе негативного свойства. Впрочем, как показано в работе, к моменту начала Специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. внутри группы был накоплен обширный пласт противоречий, который открыто дал о себе знать сокращением традиционных форматов сотрудничества, реконfigurацией моделей внутригруппового взаимодействия и началом дискуссий о грядущей трансформации объединения.

В исследовании поставлен вопрос о «кризисе Вишеграда» как окне возможностей, с одной стороны, для отдельных центральноевропейских государств (Польша, Чехия), заявляющих о политических амбициях на фоне глобальной пересборки, с другой – для других региональных объединений («Инициатива трех морей», Бухарестская девятка). Сделан прогноз, что произошедшие в конце 2023 г. политические перемены в некоторых странах – участницах В4 не приведут к смене обозначенных трендов в развитии Вишеградской группы. Ее участники будут стремиться свести деятельность группы к трансграничному сотрудничеству, взаимодействию гражданских обществ.

Михаил Владимирович Ведерников – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы, Институт Европы РАН.
ORCID 0000-0002-5046-719X. E-mail: vishma@mail.ru
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

Поступила в редакцию: 26.02.2024

Принята к публикации: 13.03.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01204, <https://rscf.ru/project/23-78-01204/>.

Ключевые слова: Вишеградская группа, Центральная Европа, Специальная военная операция (СВО), региональная интеграция

После «бархатных революций» конца 1980-х гг. на пространстве центрально-европейского региона образовался политический вакуум, вызванный полным разрывом с прежними политико-экономическими структурами, которые ранее ориентировались исключительно на Советский Союз. В условиях озвученного пришедшими к власти диссидентами-революционерами курса на «возврат в Европу» уже в постсоциалистических государствах стали возникать различные региональные объединения, которые были призваны восполнить утраченные механизмы взаимодействия и способствовать реализации программы по интеграции в евроатлантические структуры (ЕС и НАТО). Наиболее заметной структурой, появившейся на свет в 1991 г., стала Вишеградская группа, которая объединила сначала три, а после «нежного развода» чехов и словаков в 1993 г. четыре государства: Венгрию, Польшу, Словакию и Чехию. В договоре о ее создании была зафиксирована цель по достижению «полноценной вовлеченности в европейскую политическую и экономическую систему», также подчеркивались основы межгосударственного сотрудничества. Они сводились к «координации усилий с учетом национальных особенностей для повышения шансов на достижение желаемых целей»¹.

После 2004 г., когда все участники «четверки» (В4) стали полноценными членами ЕС и НАТО, ее деятельность не была приостановлена. 12 мая 2004 г. была подписана Кромержижская декларация, где были обозначены новые приоритеты, впрочем, достаточно расплывчато и без подробностей: «Сотрудничество будет основываться на конкретных проектах и иметь гибкий характер»². Отсутствие детализации взаимодействия, с одной стороны, не накладывало прямых обязательств на участников, с другой – давало возможность подстроить деятельность группы под определенную задачу. Выбранная парадигма вела к тому, что деятельность объединения имела скачкообразный характер – за периодами активизации следовало временное угасание В4. Однако такой вариант функционирования до недавнего времени не ставил

¹ *Visegrad group* (1991) Declaration on Cooperation between the Czech and Slovak Federal Republic, the Republic of Poland and the Republic of Hungary in Striving for European Integration. Available at: <https://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412> (accessed 17 October 2023).

² *Visegrad group* (2004). Declaration of Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on cooperation of the Visegrad Group countries after their accession to the European Union. Available at: <https://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412-1> (accessed 17 October 2023).

вопрос о скором конце вишеградского сотрудничества, наоборот, он рассматривался как залог неуязвимости «четверки». Явное изменение подходов произошло в начале 2020-х гг., когда стали отчетливо слышны голоса скептиков В4, заявлявших о распаде группы.

Начало Специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. обозначило качественное изменение наполнения сотрудничества в рамках объединения, одним из поводов для которого стала позиция Венгрии по поставкам вооружения и военной техники киевскому режиму. Она свидетельствовала не только о появлении разногласий по отдельному вопросу повестки дня между странами – участницами В4, но и демонстрировала ее глубинные проблемы, накопившиеся более чем за 30 лет существования.

Изучение вишеградского феномена находилось в центре пристального внимания как центральноевропейских политологов, так и их коллег за пределами «четверки». Бум исследований пришелся на время после интеграции четырех государств в ЕС и НАТО в 2004 г. Политологи стремились изучить обстоятельства регионального взаимодействия, позволившие участникам объединения одновременно вступить в ЕС и НАТО. Впоследствии примечательно усиление интереса к тематике на фоне активизации деятельности В4 или нахождения ее в центре общественного внимания. Взрывной рост научных работ произошел в ходе миграционного кризиса 2015–2017 гг., когда «четверка» впервые в своей истории проявила способность прямо влиять на вырабатываемые в Брюсселе решения. Говоря о наполнении и характере научных изысканий, следует их сгруппировать в соответствии со взглядами авторов на значение и место В4 в Центральной Европе и Евросоюзе. Вполне уместно обозначить 1) оптимистичное, 2) реалистичное и 3) пессимистичное направления вишеградских исследований.

Для первого подхода свойственно преувеличенное восприятие Вишеградской группы как политического актора, который оказывает существенное влияние на выработку решений в ЕС. Также придается завышенное значение «четверке» в глазах евробюрократов. В то же время подобные серьезные выводы не подтверждаются примерами реального воздействия «четверки» на формирование европейской политики. Зачастую авторы подобных работ перечисляют общеизвестные факты, не анализируют доступные источники, используют абстрактную фразеологию и, как итог, создают искаженную картину вишеградского сотрудничества (Strážay, 2018; Оленченко, Межевич, 2021).

Представители реалистичного направления избегают преувеличения значения В4, обозначают как сильные, так и слабые стороны объединения. Для подобных исследований характерен анализ деятельности группы через оптику сложной истории региона, зажатого на пространстве между Германией и Россией и вынужденного искать особые пути для обозначения своего места в европейской политике (Шишелина, 2010). В связи с этим важное место занимают вопросы, касающиеся трансграничного и экономического сотрудничества (Четверикова, 2022), складывания вишеградской идентичности (Csaba, 2016; Křen, 2019), формирования специфического политического стиля

(Ведерников, 2017) и особенностей позиционирования группы в европейской политике (Зверева, 2019; Шишкина, Мамедова, 2023; Хотивришвили, 2023). Примечательно, что «четверка» в этих работах выступает зачастую «вещью в себе» вне зависимости от результатов ее деятельности, достигнутых успехов и признания ее веса иными внешнеполитическими акторами. Даже несмотря на бесперспективность некоторых проектов В4, ограниченность ее потенциала в отдельных сферах политики и экономики, исследователи не останавливаются на продвижении вишеградской идеи.

Третья группа авторов имеет склонность сомневаться в историческом значении группы, ее влиянии на процесс интеграции стран-участниц в ЕС и НАТО и перспективах ее дальнейшего существования (Достал, 2020; Никитин, 2020). Примечательно, что работы представителей этого лагеря изначально не были широко представлены в научной среде, поскольку сложился широкий консенсус относительно В4 как константы европейской политики и ее месте в трансформации постсоциалистических государств. Однако на фоне событий начала 2020-х гг. лагерь скептиков вишеградского сотрудничества стал заметно увеличиваться, что проявилось в распространении утверждений о «закате Вишеградской группы»³, «сильнейшем кризисе с момента возникновения объединения»⁴. Научный сотрудник варшавского Центра международных отношений Е. Смолар отмечал: «Ширятся политические и культурные различия стран В4... былая романтика прошла»⁵.

На фоне ослабления вишеградского сотрудничества, которое совпало с «поликризисным» трендом мирового развития начала 2020-х гг., стоит проанализировать нынешнее состояние данного регионального объединения. Необходимо определить реальные причины упадка «четверки», обозначить актуальные направления сотрудничества и обрисовать перспективы дальнейшего функционирования объединения.

Особенности вишеградского стиля

За более чем 30 лет существования объединения направление его деятельности несколько раз кардинально видоизменялось и существенно дополнялось. После завершения интеграции стран-участниц в ЕС и НАТО⁶ во внутреннем измерении групповые усилия были переориентированы

³ *PRINCEPS Advisory s.r.o.* (2023) CEE expert Pavlína Janebová: The decline of the V4 has created space for its individual members. Available at: <https://www.principesadvisory.com/post/cee-expert-pavl%C3%ADna-janebov%C3%A1-the-decline-of-the-v4-has-created-space-for-its-individual-members> (accessed 17 October 2023).

⁴ *Politico* (2022) The not-so-fantastic 4: Central Europe's divided Visegrad alliance. Available at: <https://www.politico.eu/article/central-europe-divided-visegrad-v4-alliance/> (accessed 17 October 2023).

⁵ *Politico* (2022) The not-so-fantastic 4: Central Europe's divided Visegrad alliance. Available at: <https://www.politico.eu/article/central-europe-divided-visegrad-v4-alliance/> (accessed 17 October 2023).

⁶ *Visegrad group* (1999). Contents of Visegrad Cooperation approved by the Prime Ministers' Summit Bratislava on 14th May 1999. Available at: <https://www.visegradgroup.eu/cooperation/contents-of-visegrad-110412> (accessed 17 October 2023).

на работу межправительственных групп и углубление трансграничного сотрудничества, которое должен был поощрять созданный в 2001 г. Международный вишеградский фонд. На внешнем треке «четверка» демонстрировала стремление способствовать евроинтеграции стран Западных Балкан и Восточной Европы. В одном из документов В4, опубликованных в 2005 г., прямо отмечалось, что «объединение может формировать общую внешнюю политику ЕС в отношении соседних регионов – Украины, других стран СНГ и Западных Балкан. Такой вклад мог бы помочь этим государствам приблизиться к европейским ценностям и укрепить демократические процессы»⁷. Впрочем, для продвижения данного курса было недостаточно политического влияния четырех центральноевропейских стран, поэтому многое зависело от действий Брюсселя: торможение в интеграционном процессе вело к затуханию практической деятельности В4 по этому треку, и наоборот. Научный сотрудник венгерского Института иностранных дел и торговли А. Орос подтверждает: «Страны – участницы "четверки" способствовали росту интереса к этой тематике, но они не формировали повестку, а только следовали за курсом ЕС» (Orosz, 2017).

Косвенным успехом группы стало вступление Хорватии в Евросоюз, итоговое решение о котором пришлось на председательство Венгрии и Польши в Совете ЕС в течение 2011 г. Однако настоящим звездным часом В4 стал миграционный кризис 2015–2017 гг., когда страны сумели выступить единым фронтом против обязательного распределения беженцев на их территории (Хотивришвили, 2023). «Бунт Вишеграда», отражавший помимо прагматичных обстоятельств также неудовлетворенность стран-участниц своим положением в рамках ЕС, возвысил политическое влияние объединения, поскольку принятые впоследствии решения в Брюсселе прямо соответствовали интересам группы. Однако за ослаблением данного кризиса последовало снижение активности В4. Впрочем, на тот момент данный формат регионального сотрудничества открыто не подвергался сомнению ввиду накопившегося к тому времени у него мощного репутационного капитала.

Важно иметь в виду, что взаимодействие в рамках В4 всегда было неравномерно и его интенсивность зависела от множества факторов: личного отношения политиков к объединению, состояния межгосударственных отношений, наличия актуальной повестки, которая соответствовала интересам стран-участниц и др. При появлении таких обстоятельств сотрудничество развивалось точечно, в малых объемах, и в какой-то момент оно могло вообще приостановиться. Несмотря на широко распространенное восприятие «доЕСовского» периода существования В4 как истории успеха, отметим, что в конце 1993 г., как пишет чешский политолог Л. Лукашек, она «вообще перестала существовать... из-за возобладавшего индивидуализма

⁷ *Visegrad group* (n.d.) Programme for the Hungarian presidency of the Visegrad Group 2005/2006. Available at: <https://www.visegradgroup.eu/documents/presidency-programs/2005-2006-hungarian-110412> (accessed 17 October 2023).

в интеграционных амбициях со стороны Чехии и Венгрии» (Lukášek, 2010). Чешский премьер-министр В. Клаус считал В4 «размытой концепцией», создававшей зону отчуждения между Востоком и Западом. По его мнению, ее участники «произносили громкие речи, делали неоднозначные заявления и затем уходили на очередные бессмысленные встречи» (Klaus, 1997). Примечательно, что реанимация В4 произошла в 1998 г. после внутривосточных перемен в странах-участницах, улучшения двусторонних отношений и появления вызывающей взаимный интерес повестки, где совместные усилия могли принести добавленную стоимость. Речь прежде всего идет о Мадридском саммите Североатлантического альянса в 1997 г., на котором Венгрия, Польша и Чехия были приглашены к переговорам по вступлению в НАТО. Если в конце 1990-х гг. сотрудничество между государствами в военной сфере поспособствовало реализации цели по вступлению в военно-политический блок, то, как указывает Лукашек, в вопросе интеграции в ЕС страны – участницы В4 действовали самостоятельно. «Вступление всех четырех стран 1 мая 2004 г. в Евросоюз было скорее результатом индивидуального подхода, чем итогом скоординированного сотрудничества. Хотя по вопросу евроинтеграции была создана площадка для переговоров между представителями верховной власти, на ней происходил лишь обмен мнениями, что не вело к гармонизации или координации общей повестки» (Lukášek, 2010).

Несмотря на существование подобного мнения, в исследовательской среде существует противоположная тенденция складывать достижения отдельных стран и полученную сумму выставить как успех всего объединения. Подобный прием искажал картину реального состояния вишеградского сотрудничества и значения «четверки» как политического и экономического института. Примечательно, что в научных исследованиях практически не ставился вопрос об эффективности группы, достигнутых результатах и последствиях ее деятельности. Очевидно, что все крупные внешнеполитические акции «четверки», за исключением демарша во время миграционного кризиса, не были успешно реализованы. Отчасти это было связано с тем, что после 2004 г. не существовало достаточно областей соприкосновения и даже там, где интересы пересекались, обнаруживались противоречия, которые приходилось сглаживать и искать компромиссы. Так, в центральном вопросе по расширению ЕС Польша традиционно выступала за евроинтеграцию Украины, в то время как Венгрия и Словакия были заинтересованы в поддержке, прежде всего, западнобалканских государств. Полное согласие наблюдалось в области трансграничного сотрудничества по вопросам совместной инфраструктуры, энергетики, экономики и сплочения жителей В4. Вполне возможно, что отношения в этих сферах могли благоприятно развиваться и на двусторонней основе без привлечения В4.

Несомненным является то, что за более чем 30 лет сформировался узнаваемый политический бренд, который признавался и считывался ведущими государствами евроатлантического пространства. Так, лидеры Соединенных Штатов, Франции, Германии, Великобритании и др. не избегали встреч

с представителями «четверки» для обсуждения проблем Центральной Европы. За это время за регионом, очерченным государственными границами четырех государств, закрепилось обозначение как вишеградский, страны на страницах СМИ и в общественных дискуссиях идентифицировались как вишеградские, а венгерский историк Р. Киш-Семан счел уместным говорить о появлении нового типа европейца *"Homo Visegradicus"* (Kiss-Szemán, 2006). Ведущий отечественный специалист по В4 Л.Н. Шишелина ввела в научный оборот термин «Вишеградская Европа». Формирование образа «четверки», по ее мнению, стало возможно за счет неизменного политического стиля поведения, который она обозначила как стабильный «критический настрой». Она пишет: «Возникнув как диссидентский проект... В4 продолжает оставаться отчасти таковым и внутри ЕС... Если идея диссидентства исчезнет, пропадет и необходимость совместных действий...» (Шишелина, 2021).

В качестве одной из важных черт группы обозначались ее стрессоустойчивость и долголетие благодаря приобретенной способности адаптироваться к изменяющимся внешним условиям и новым вызовам. Показательно, что негативные стороны объединения (неформальный характер, отсутствие органов управления и ряд других) в контексте В4 оценивались как факторы, укрепляющие основы группы, предоставлявшие ей пространство для маневра. В то же время, рассуждая об отказе представителей В4 от институционализации группы, отечественный словакист В.В. Никитин приводил пример, что существовавшая Межправительственная комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству между Словакией и Россией была более институционализированным объединением. Соответственно, словацко-российские отношения формально находились на более высоком уровне правовой регламентации (Никитин, 2020).

Противоречивость В4 не отменяет факта уникальности данного формата регионального сотрудничества, позволившего обозначить особое место стран Центральной Европы в рамках евроатлантического сообщества. Впрочем, за три десятилетия вишеградский проект накопил заметный груз противоречий, которые в полной мере проявились в начале 2020-х гг.

Особенности кризиса В4 начала 2020-х гг.

Согласно опросу общественного мнения, проведенному при поддержке Вишеградского фонда в 2021 г., большинство респондентов считали важным продолжать сотрудничество в рамках «четверки». Но существовали заметные расхождения по странам: наибольшую поддержку В4 имела в Венгрии (82%), за ней следовали Словакия (78%), Чехия (71%), на последнем месте расположилась Польша (59%). Примечательно, что там только 49% опрошенных знали о существовании группы, 34% – слышали, но не имели представления о ее конкретной деятельности (Gyárfášová, Mesežnikov, 2021). Также показательно, что интерес к В4 с 2015 г., т.е. с момента миграционного кризиса, значительно возрос – в Венгрии, например, в 2,5 раза (с 26% до 69%). В то же время жители стран-участниц считали важным развивать отношения между

государствами, прежде всего, в таких областях (далее в порядке приоритетности), как торговля, туризм, безопасность и оборона, развитие трансграничной инфраструктуры, внешняя политика, здравоохранение. Впрочем, как отмечали словацкие политологи О. Дьярфашова и Г. Месежников, несмотря на самый высокий уровень поддержки со стороны общества вишеградского формата регионального сотрудничества за все время наблюдений, многое в судьбе В4 зависело от внутривластных процессов на национальном уровне. Приход во власть критиков «четверки» или тех, кто не придавал этому формату должного внимания, мог привести к ослаблению взаимодействия.

Начало реконфигурации Вишеградской группы связано с победой на парламентских выборах сначала в Словакии в 2020 г., а затем в 2021 г. в Чехии либеральных сил, которые не скрывали своего критического настроения по отношению к правоконсервативным правительствам в Польше и Венгрии.

Чешский аналитик В. Достал накануне словацкого общенационального голосования в феврале 2020 г. следующим образом характеризовал «четверку»: «Сегодня она носит ярлык несолидарного и токсичного объединения в Евросоюзе, где Польша и Венгрия демонстрируют пренебрежение к верховенству права, тем самым усиливая ее негативный имидж»⁸. Коалиционный кабинет Словакии под руководством И. Матовича (март 2020 – март 2021 гг.) и его преемника Э. Хегера (апрель 2021 – май 2023 г.), выступая критически в отношении Варшавы и Будапешта из-за их противоречий с Брюсселем, до определенного момента был в одиночестве и не предпринимал отрывных демаршей. Более того, на фоне разразившегося коронакризиса интересы В4 совпали по вопросу получения дополнительных средств из бюджета ЕС для постпандемического восстановления. По итогам 2020 г. В. Никитин оценивал общие усилия «четверки» следующим образом: «дипломатия стран Вишеградской группы добилась на европейском направлении впечатляющих результатов...» (Никитин, 2020).

В 2020–2021 гг. несколько иных обстоятельств также позволяли поддерживать активность В4 на высоком уровне. Во-первых, с лета 2020 г. ротационные председательства возглавляли сначала Польша, а затем Венгрия, которые были заинтересованы в использовании объединения для продвижения своих внешнеполитических приоритетов. Во-вторых, первая половина 2021 г. ознаменовалась торжественными мероприятиями по случаю 30-летнего юбилея группы. Принятая в Кракове декларация стала одним из самых содержательных документов «четверки», где была зафиксирована ее роль как «платформы для активного продвижения общих интересов»; подчеркивалась «решительная поддержка евроинтеграции стран Западных Балкан»

⁸ *Asociace pro mezinárodní otázky* (2019) Dostál V. Změní se maďarský Visegrád na polský? Available at: <https://www.amo.cz/cs/nove-horizonty-cesko-polske-spoluprace/zmeni-se-madarsky-visegrad-na-polsky/> (accessed 17 October 2023).

и развитие программы «Восточного партнерства»⁹. В-третьих, устойчивость В4 обеспечивалась установившимися за долгие годы личными доверительными отношениями между главами кабинетов А. Бабишем (Чехия), В. Орбаном (Венгрия) и М. Моравецким (Польша).

Заметный сдвиг в вишеградском сотрудничестве произошел после парламентских выборов в Чехии осенью 2021 г., в ходе которых успех сопутствовал либеральной коалиции во главе с П. Фиалой. Поражение скандального премьера А. Бабиша, которого его оппоненты обвиняли в «нелиберальном повороте» и углубившемся процессе «эрозии демократии» (Hanley, Vachudova, 2018), привел к появлению в «четверке» двух фракций. Э. Хегер, осознавая появляющийся раскол, отмечал: «Менталитет Чехии и Словакии не тождественен, но очень похож. Для Венгрии и Польши свойственен несколько иной образ мысли, присущий большим нациям»¹⁰. Чешский министр по делам ЕС М. Бек говорил более прямолинейно: «Прага и Братислава играют по другим нотам, нежели наши коллеги по "четверке" ... в этой связи пропадает осмысленность сотрудничества в рамках В4»¹¹. На фоне таких тенденций политолог П. Креко прогнозировал трансформацию В4 в «В2+В2»: «Словакия и Чехия будут все больше смотреть на запад и стремиться улучшить свои позиции в ЕС, в то время как Венгрия и Польша продолжат борьбу с ЕС»¹².

В полной мере накапливавшиеся противоречия дали о себе знать после начала Специальной военной операции на Украине (СВО) в феврале 2022 г. Хотя все страны выступили с осуждением Москвы, заявили о поддержке Киева и готовности оказать ему помощь, в ключевом вопросе о поставках военной техники и вооружения позиция Венгрии принципиально отличалась от партнеров по «четверке». В. Орбан, призывая сохранять «стратегическое спокойствие», отчетливо дал знать, что в период своего нахождения у власти не допустит передачи оружия: «Оно вполне может быть использовано и для стрельбы по венграм, проживающим в Закарпатье... вдобавок у нас нет лишнего вооружения»¹³. Показательно, что 24 февраля, в первый день начавшегося конфликта, В4 не опубликовала совместного заявления, хотя в этот день проходила встреча министров внутренних дел объединения с французским коллегой. В то же время президент Украины В.А. Зеленский, призывая

⁹ *Visegrad Group* (2021) Declaration of the Prime Ministers of the Czech Republic, Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on the Occasion of the 30th Anniversary of the Visegrad Group. Available at: <https://www.visegradgroup.eu/calendar/2021/declaration-of-the-prime> (accessed 17 October 2023).

¹⁰ ČT24 (2021) Heger: Visegrádská čtyřka může sehrát důležitou pozitivní roli v Evropské unii. Available at: <https://ct24.ceskatelevize.cz/clanek/svet/heger-visegradska-ctyryka-muze-sehrat-dulezitou-pozitivni-rolu-v-evropske-unii-27879> (accessed 17 October 2023).

¹¹ *Politico* (2022) The not-so-fantastic 4: Central Europe's divided Visegrad alliance. Available at: <https://www.politico.eu/article/central-europe-divided-visegrad-v4-alliance/> (accessed 17 October 2023).

¹² *CEPA* (2021) Krekó P. Central Europe's V4? More Like V2+V2. Available at: <https://cepa.org/article/central-europes-v4-more-like-v2v2/> (accessed 17 October 2023).

¹³ *Cabinet Office of the Prime Minister* (2022) In a war situation we need strategic calm. Available at: <https://2015-2022.miniszterelnok.hu/in-a-war-situation-we-need-strategic-calm/> (accessed 17 October 2023).

европейских коллег оказать помощь, обратился за ней к другому центрально-европейскому объединению – Бухарестской девятке. Страны – участницы последней собрались в польской столице уже 25 февраля, где заявили о безоговорочной поддержке Украины и необходимости нанесения России «дорогостоящего поражения»¹⁴. Что касается В4, то общая позиция была официально озвучена только 8 марта на встрече премьер-министров объединения с главой кабинета Великобритании Б. Джонсоном в Лондоне. Помимо общих слов осуждения в адрес России и «тех, кто позволил ей это сделать»¹⁵ переговоры не принесли заметных результатов. Очевидно, что британский политик, активно работавший в первые месяцы российско-украинского конфликта на его обострение и не допускавший перспектив успешного завершения мирных переговоров между Москвой и Киевом, был разочарован состоянием дел в данном региональном объединении и предпочел сосредоточиться на двустороннем сотрудничестве, прежде всего, с Польшей.

Вишеградское взаимодействие претерпело заметные изменения, что выразилось в сокращении некоторых традиционных форматов кооперации. На протяжении 2022 г. были поставлены «на паузу» официальные мероприятия с участием министров иностранных дел и спикеров парламентов. В публичную плоскость стали проникать сведения о внутренних противоречиях в группе: в марте 2022 г. была отменена встреча министров обороны В4 из-за несогласия польского и чешского политиков с позицией венгерского коллеги. Симптоматично, что польско-венгерский союз, строившийся ранее на противостоянии Брюсселю, оказался неустойчивым на фоне российско-украинского конфликта. Дополнительно саммит премьеров «четверки» в ноябре 2022 г. был омрачен словацко-венгерским спором, возникшим из-за появления В. Орбана ранее в шарфе с изображением карты Великой Венгрии, включавшей в том числе территории современной Словакии (Strážay, 2023).

Если ранее ярким символом вишеградской преемственности с 2004 г. была работа по поддержке евроинтеграционных устремлений стран Западных Балкан и Восточного партнерства, то с 2022 г., когда фокус внимания Брюсселя был сконцентрирован исключительно на Украине, данная политика стран В4 стала неактуальной. С одной стороны, позиция Венгрии по будущему членству Киева в ЕС вносила раскол в ряды «четверки», с другой – игнорировались интересы балканских государств, которые находились в очереди на членство в ЕС на протяжении многих лет и чьи перспективы становились туманными. Не удивительно, что начиная с лета 2021 г. были приостановлены встречи представителей В4 с коллегами из данных стран.

¹⁴ *President of the Republic of Poland* (2022) Opening remarks at Bucharest Nine summit. Available at: <https://www.president.pl/news/opening-remarks-bucharest-949483> (accessed 17 October 2023).

¹⁵ *Visegrad group* (2022) V4 + United Kingdom Joint Statement of Prime Ministers 8 March 2022, London. Available at: <https://www.visegradgroup.eu/calendar/2022> (accessed 17 October 2023).

Таким образом размывался заложенный после 2004 г. смысл вишеградского объединения, который сводился к особой роли В4 как проводника постсоветских и постъюгославских стран на пути в ЕС.

В вопросах формирования общей вишеградской внешней политики за пределами европейского континента через формат В4+ (В4 + Япония, В4 + Южная Корея, В4 + Израиль и др.) эксперты сходились во мнении, что подобный вариант реализации дипломатии был «вторичен» и не имел шансов для получения значительного политического импульса (Kolmaš, 2023) на фоне исчезновения вишеградского консенсуса. Более продуктивным стало бы развитие двусторонних отношений с конкретными партнерами на основе долгосрочных интересов и актуальной повестки.

Случившиеся геополитические перемены в Европе обозначили явную трансформацию внешней политики стран – участниц «четверки» и место последней в ней. С одной стороны, можно говорить об усилении межгосударственного взаимодействия на пространстве Центральной Европы, с другой – о поиске альтернатив Вишеградской группе. Так, признавая важность регионального сотрудничества, Польша, Словакия и Чехия заметно активизировали двусторонние контакты друг с другом, что выразилось в улучшении польско-чешских и польско-словацких отношений (Janebová, 2022) и закреплении высокого статуса чешско-словацкого диалога. В этой связи вполне обоснованы слова научного сотрудника чешской Ассоциации по международным вопросам П. Янебовой, что «упадок В4 создал дополнительное пространство для отдельных ее членов»¹⁶. Показательно, что на фоне украинского конфликта по-новому обозначилась роль Варшавы, которая, по словам отечественного полониста О. Михалева, оказалась в эпицентре мировой политики (Михалев, 2022). Продемонстрированные стремления Польши находили понимание не только у США и Великобритании, сторонников усиления позиций Варшавы на континенте, но и у Чехии и Словакии, которые активно поддерживали инициированные Польшей региональные проекты, прежде всего «Инициативу Трех морей» и «Бухарестскую девятку», несмотря на сохранявшиеся проблемы правительства «Права и справедливости» в отношениях с Брюсселем. Помимо указанных объединений на фоне событий 2022–2023 гг. активизировали деятельность иные форматы, например, Зальцбургский форум, Люблинский треугольник, Славковский треугольник, *Central Five*. Разнообразие региональных форматов коммуникации предоставляло возможность компенсировать сократившиеся возможности В4 и избегать открытых противоречий внутри группы. Об этом прямо говорил министр иностранных дел Чехии Я. Липавский: «Речь идет о замене Вишеграда, который из-за

¹⁶ *PRINCEPS Advisory s.r.o.* (2023) CEE expert Pavlína Janebová: The decline of the V4 has created space for its individual members. Available at: <https://www.princepsadvisory.com/post/cee-expert-pavl%C3%ADna-janebov%C3%A1-the-decline-of-the-v4-has-created-space-for-its-individual-members> (accessed 17 October 2023).

пророссийской и антиевропейской позиции Венгрии находится в состоянии клинической смерти»¹⁷. Примечательно, что, по мнению венгерского ученого К. Волша, подобные тенденции стали проявляться еще до начала активной фазы украинского кризиса и свидетельствовали о том, что «государства В4 стали более смелыми и, в отличие от первых лет членства в ЕС, не боялись продемонстрировать больше самостоятельности» (Walsch, 2022).

На фоне деструктивных тенденций среди политиков поднималась дискуссия о переформатировании вишеградского формата сотрудничества. Так, избранный в начале 2023 г. на пост президента Чехии П. Павел, сомневаясь в эффективности В4, предлагал «переоценить значение Вишеграда» и придать ему новый смысл: «Без сильных объединяющих тем В4 станет пустым образованием». По его мнению, необходимо было сделать из «четверки» консультационную платформу для обсуждения экономических и культурных вопросов¹⁸. Заместитель председателя Сената Т. Чернин видел перспективы объединения в увеличении числа его постоянных участников за счет приглашения государств Балтии как наиболее вовлеченных среди стран Центральной и Восточной Европы в украинский кризис¹⁹. Аналитик чешского Института международных исследований Д. Шитера полагал, что Чехия должна была воспользоваться «коматозным состоянием» В4 для объединения Центральной Европы. Он считал, что Прага, оттеняя маргинальных политиков и выступая с четким евроатлантическим курсом, могла потребовать усиления ее позиций в ЕС и НАТО: «В будущем Чехия может укрепить свой потенциал, участвуя в различных двусторонних и многосторонних инициативах, оказывая на них влияние и, таким образом, принимая общеевропейские решения» (Šitera, 2023).

Явным подтверждением наступившего кризиса в вишеградском сотрудничестве стало то, что на фоне появления объединяющей повестки, связанной с украинским кризисом, в котором все четыре государства открыто поддерживали киевский режим, правительства стран-участниц не смогли найти основ для взаимодействия. Симптоматично, что в вопросе оказания помощи украинским беженцам, основной поток которых в первые месяцы конфликта пришелся на данные государства, «четверка» не сумела разработать совместные долгосрочные предложения как на региональном, так и на общеевропейском уровне. Более того, национальные правительства изначально рассчитывали только на себя, впоследствии – на помощь Брюсселя. Слабой попыткой демонстрации наличия общей платформы для решения

¹⁷ YouTube (2023) Europe's Geopolitical Moment? Or a Moment of Geopolitics? Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=OfdJ6DxBqY8> (accessed 17 October 2023).

¹⁸ Petr Pavel (2023) Je čas přehodnotit Visegrád. Neshody s Maďarskem mohou působit problémy, říká budoucí prezident. Lidovky, 20 February. Available at: https://www.lidovky.cz/domov/rozhovor-prezident-petr-pavel-valka-ukrajina-ochranka-visegrad.A230220_042249_In_domov_hma (accessed 17 October 2023).

¹⁹ Parlamentní listy (2023) Černý pasažér Orbán. Czernin doporučuje se raději přátelům s Pobaltím. Available at: https://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Cerny-pasazer-Orban-Czernin-doporučuje-se-radeji-pratelit-s-Pobaltim-738633#google_vignette (accessed 17 October 2023).

миграционного кризиса стало выделение Международным вишеградским фондом 1 млн евро. В условиях многомиллиардных затрат национальных правительств на стабилизацию внутривластической ситуации данный единоразовый грант, очевидно, не способствовал урегулированию обстановки. В этой связи не удивительно, что каждая страна стремилась обозначить собственный подход, образовать временную коалицию с партнерами за пределами В4 или использовать иные форматы региональной кооперации. Показательно, что за практически два года с начала СВО Вишеградская группа не провела ни одного мероприятия с высшим руководством Украины, в то время как последнее использовало все появляющиеся возможности для продвижения своих интересов, встречаясь с представителями и менее известных региональных групп как, например, Славковский треугольник и *Central Five*.

По ходу затягивания украинского конфликта, с одной стороны, не ослабевала риторика о поддержке Киева в борьбе с Москвой, с другой – стала более отчетливо проявляться забота о национальных интересах стран – участниц В4, что не вело к сопряжению позиций внутри группы. Наиболее фактурно проблема их защиты проявилась в зерновом вопросе, связанном с неконтролируемым наплывом дешевого украинского продовольствия. Возникшая ситуация во второй половине 2023 г. вынудила правительства трех вишеградских стран (Венгрии, Словакии и Польши) и двух балканских (Болгария, Румыния) ввести эмбарго на произведенные на Украине зерновые культуры и продукты. Состоявшаяся в конце сентября 2023 г. встреча министров сельского хозяйства стран – участниц В4, посвященная судьбе украинского зерна, продемонстрировала приоритет национальных интересов над общими и невозможность их консолидации. Так, например, чешский представитель отдалился от позиции своих коллег, озвучив мнение о необходимости «поиска общего унифицированного подхода»²⁰. В то же время польские политики заняли максимально антиукраинскую позицию, обосновывая ее защитой польских земледельцев. Отечественный специалист по аграрной политике ЕС Б. Фрумкин считал, что позиция европейских фермеров приобрела экзистенциальный характер ввиду вероятного начала в 2024 г. официальных переговоров о членстве Украины в Евросоюзе. Он констатировал: «При неизменных условиях это повлекло бы за собой массовое разорение ядра агропродовольственной системы ЕС – семейного фермерского хозяйства» (Фрумкин, 2023). Данная ситуация вновь подтвердила сужение пространства сотрудничества стран – участниц В4, выведение на первый план национальных интересов.

²⁰ *Ministerstvo zemědělství* (2023) Rozhovor s ministrem Markem Výborným k jednání ministrů zemědělství států V4. Available at: <https://eagri.cz/public/portal/mze/tiskovy-servis/vystoupeni-v-medii/rozhovor-s-ministrem-markem-vybornym-k-jednani-ministru-zemedelstvi-statu-v4> (accessed 17 October 2023).

В то же время необходимо иметь в виду, что деятельность В4 в 2022–2023 гг. продолжалась, но ее акценты были смещены. В условиях увеличения угроз безопасности на восточном фланге НАТО страны – участницы В4 достигли согласия относительно углубления военной компоненты сотрудничества «четверки» в рамках ранее подписанных соглашений. Акцентировалось внимание на поддержке флагманских проектов: Вишеградской боевой группы (ВБГ, *V4 EU Battlegroup*) и штаб-квартиры Объединенной группы материально-технического обеспечения В4 (*V4 JLSG HQ*). Важно подчеркнуть, что данные проекты не возникли как ответ на события украинского кризиса, а стали продолжением предшествовавших инициатив. Можно согласиться с отечественными специалистами О.В. Шишкиной и Л.К. Мамедовой, что «локомотивом развития сотрудничества вишеградских государств в сфере безопасности и обороны были трансформации, которые происходили в НАТО и ЕС, а не возникновение актуальных для всей «четверки» вызовов и угроз безопасности» (Шишкина, Мамедова 2023). Так, например, планы о создании ВБГ были озвучены еще в 2011 г., практическая реализация началась в 2016 г., а завершение комплектования пришлось только на вторую половину 2023 г. Личный состав насчитывал 3 280 военных, из которых 1 450 были из Польши, 670 – из Венгрии, 600 – из Чехии, 560 – из Словакии. За каждой страной была закреплена отдельная сфера деятельности: чехи были ответственны за логистику, венгры – за инженерную поддержку, словаки занимались вопросами, связанными с химическим, биологическим и ядерным вооружением. Польша была ведущим государством ВБГ, на которую возлагались «планирование, подготовка, тренировки и сертификация целого подразделения» (Jiříčková, 2015). Также важно отметить, что за время функционирования военной единицы ее состав на ротационной основе пополнялся военнотружущими из Украины, Хорватии, Латвии и Литвы. Таким образом, можно констатировать, что работоспособность ВБГ обеспечивалась за счет нарушения вишеградского «квартета» и выдвижения на первые позиции польского командования как наиболее мотивированного и профессионального. Что касается Объединенной группы материально-технического обеспечения В4, то ее работа также строилась на выдвижении Польши в качестве лидера²¹ и на привлечении внешних акторов с целью смягчения возможных противоречий²².

Отметим, что сотрудничество в области обороны и безопасности не было традиционным направлением деятельности В4. В связи с этим единственной исторически присущей В4 сферой взаимодействия оставался диалог между институтами гражданского общества стран-участниц, который преимущественно осуществлялся через Международный вишеградский фонд.

²¹ *Visegrad group* (n.d.) Brief History of V4 Defence Cooperation. Available at: <https://www.visegradgroup.eu/about/cooperation/defence> (accessed 17 October 2023).

²² *Hungarian Defence forces* (2023) V4 Logistics Principals' Meeting in Budapest. Available at: <https://defence.hu/news/v4-logistics-principals-meeting-in-budapest.html> (accessed 17 October 2023).

Симптоматично, что в чешской программе председательства в «четверке» (2023–2024 гг.) подчеркивалось, что Чехия «поставит граждан в центр своего внимания»²³. Я. Юзова и З. Касакова, научные сотрудники исследовательского центра «Эуропеум», справедливо полагали, что «вишеградский формат по сути вернулся к своему изначальному виду без доминирующего внешнеполитического измерения» (Juzová, Kasáková, 2023: 5). Однако и это направление испытало на себе влияние общих тенденций, присущих группе: были зафиксированы случаи нежелания участвовать в венгерских проектах со стороны партнеров из других стран; также незначительно, но сократилось их финансирование по сравнению с предыдущими годами²⁴.

Заключение

Начало СВО на Украине обозначило новый этап в истории Вишеградской группы, самого известного регионального объединения в Центральной и Восточной Европе. Эксперты и политики однозначно охарактеризовали текущее состояние внутри «четверки» как наиболее глубокий кризис с момента ее создания. Пока рано говорить о ликвидации группы, однако в начале 2020-х гг. были заложены основы для ее существенного реформирования, суть которого заключается в отказе от внешнеполитического трека В4, акценте на внутренней повестке и решении актуальных задач трансграничного сотрудничества. С одной стороны, возникшее недопонимание внутри группы обозначило принципиальные вопросы, по которым внутри нее нет консенсуса. С другой стороны, была выведена формула успешного центральноевропейского сотрудничества, прежде всего, в сфере взаимодействия гражданских обществ. Вишеградский кризис также стал свидетельством растущих амбиций стран – участниц «четверки», их стремления самостоятельно принимать деятельное участие в вопросах европейского и мирового уровня наравне с ведущими государствами. В этой связи очевидно, что позиция Венгрии в отношении поставок вооружения и военной техники на Украину лишь ускорила общий процесс перестройки объединения.

Произошедшие осенью 2023 г. политические перемены в Польше и Словакии, в ходе которых к власти пришли оппоненты предшествовавших руководителей государств, вряд ли смогут изменить общую недоверительную атмосферу внутри «четверки». Возвращение во власть либерального Д. Туска на смену национал-консервативному М. Моравецкому или четвертый срок Р. Фицо на посту премьера Словакии приведут лишь к перестановке составляемых при сохранении суммы. Более того, можно предполагать формирование нового деления группы: на смену чешско-словацкому тандему придет

²³ MZV(n.d.) Programme of the Czech Presidency of the Visegrad Group 2023/2024. Available at: https://mzv.gov.cz/file/5119287/MZV_V4_program_A4_ENG_20_6_23_final.pdf (accessed 17 October 2023).

²⁴ Visegrad fund (2024) Annual Reports. Available at: <https://www.visegradfund.org/archive/annual-reports/> (accessed 17 October 2023).

словацко-венгерский, а Чехия будет стремиться к более тесному взаимодействию с Польшей. Последние два государства, которые в предшествовавшие годы пытались обозначить по-новому свое место в Европе, предпримут попытку отдалиться от негативного образа «четверки» через приближение к общеевропейскому мейнстриму. Что касается Словакии, то она как «отличник Евросоюза» будет стремиться получать выгоды от всех возможных форматов сотрудничества, не игнорируя первостепенность членства в ЕС и НАТО. Венгрия же продолжит реализовывать текущий многовекторный политический курс, присущий правительству В. Орбана.

Список литературы

1. Ведерников М.В. (2017) Исторические предпосылки вишеградского политического стиля. *Современная Европа* 7(79): 78–87.
2. Достал В. (2020) Центральная Европа, Вишеградская группа и перспективы «Корона-вирусной эпохи» оптикой Чешской Республики. *Вишеградская Европа. Центрально-европейский журнал* 3(7): 5–13.
3. Зверева Т.В. (2019) Эволюция субрегиональных объединений внутри ЕС (на примере Вишеградской группы). *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право* 2(12): 181–196. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-181-196.
4. Михалев О.Ю. (2022) Изменение международной роли Польши после начала российской спецоперации на Украине. *Современная Европа* 5: 34–47. DOI: 10.31857/S0201708322050035.
5. Никитин В.В. (2020) Образ Вишеградской группы в словацких научных исследованиях. *Запад – Восток* (13): 70–84. DOI: 10.30914/2227-6874-2020-13-70-84.
6. Никитин В.В. (2020) Словакия и Вишеградская группа: европейское измерение. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН* (5): 38–44. DOI: 10.15211/vestnikieran520203844.
7. Оленченко В.А., Межевич Н.М. (2021) Вишеградская группа и Балтийская ассамблея: коалиции внутри Евросоюза в российском внешнеполитическом восприятии. *Балтийский регион* 3(13): 25–41. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-2.
8. Фрумкин Б.Е. (2023) Общая сельскохозяйственная политика (сентябрь – ноябрь 2023). *Европейский союз: факты и комментарии* 4(114): 41–45. DOI: 10.15211/eufacts420234145.
9. Хотивришвили А.А. (2023) *Миграционная политика Европейского союза: Подходы стран Вишеградской группы (2004–2020 гг.)*. Москва: Ленанд. 200 с.
10. Четверикова А.С. (ред.) (2022) *Пределы самостоятельности Вишеградской группы в ЕС*. Москва: ИМЭМО. 153 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0606-9.
11. Шишелина Л.Н. (2021) К 30-летию Вишеградской группы: достижения и перспективы. *Современная Европа* (4): 26–36. DOI: 10.15211/soveurope420212636.
12. Шишелина Л.Н. (ред.) (2010) *Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии*. Москва: Издательство «Весь Мир». 568 с.
13. Шишкина О.В., Мамедова Л.К. (2023) Сотрудничество стран Вишеградской группы в области обороны и безопасности: испытание украинским кризисом. *Проблемы национальной стратегии* 4(79): 184–209.
14. Gyárfáková O., Mesežnikov G. (2021) *Visegrad Four as Viewed by the Public Past Experience and Future Challenges*. Bratislava: Inštitút pre verejnú otázku. 54 p.
15. Hanley S., Vachudova M. (2018) Understanding the illiberal turn: democratic backsliding in the Czech Republic. *East European Politics* 3(34): 276–296. DOI: 10.1080/21599165.2018.1493457.
16. Janebová P. (2022) *Trends of V4 states' policies in Eastern Europe*. Prague: AMO. 48 p.
17. Jiříčková A. (2015). *V4+ Defence Cooperation of the V4+*. Prague: AMO. 25 p.

18. Juzová J., Kasáková Z. (2023) *Kulatý stůl Národního konventu o EU na téma formáty regionální spolupráce z pohledu ČR*. Prague: EUROPEUM. 20 p.
19. Kiss C.G. (2016) Powinowactwa wyshehradzkie. *Wspomnienia, szkice, eseje*. Warszawa. 242 p.
20. Kiss-Szemán R. (2006) Homo Visegradicus. In: Jagodziński A. (ed.) *The Visegrad Group: A Central European Constellation*. Bratislava: International Visegrad Fund, pp. 169–171.
21. Klaus V. (1997) Miloš Zeman a sociálnědemokratický Visegrád. In: *Václav Klaus obhajoba zapomenutých myšlenek*. Praha Academia, pp. 390–391.
22. Kolmaš M. (2023) Diverging perceptions of the "Visegrad Four+" format and the limits of the V4+Japan cooperation. *Asia Europe Journal*(21): 101–116. DOI: 10.1007/s10308-023-00669-7.
23. Křen J. (2019) *Čtvrt století střední Evropy*. Praha: Karolinum. 368 p.
24. Lukášek L. (2010) *Visegrádská skupina a její vývoj v letech 1991–2004*. Praha: Karolinum. 168 p.
25. Orosz A. (2017). *The Western Balkans on the Visegrad Countries' Agenda*. Budapest: Institute for Foreign Affairs and Trade. 10 p.
26. Šitera D., Eberle J. (2023) Riziko triumfalismu: Ruská agrese a znovuvzkříšení Střední Evropy. In: Ditrych O., Eberle J., Metodíeva A. (eds) *Svět v proměnách 2023*. Prague: Ústav Mezinárodních vztahů, pp. 58–66.
27. Strážay T. (2019) When pragmatism wins: Slovakia in the Visegrad Group. In: Brezáni, P. (ed.) *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2018*. Bratislava: Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, pp. 67–74.
28. Strážay T. (2023) Central European challenges in Slovak foreign policy. In: Brezáni, P. (ed.) *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy*. Bratislava: SFPA, pp. 106–109.
29. Walsch C. (2022) Is the Visegrad Group disintegrating? A case study on the diversification of the Visegrad states' EU enlargement policy since 2014. *Eastern journal of European studies* (13): 53–72. DOI: 10.47743/ejes-2022-S104.

Comparative Politics. Volume 14. No. 4. October–December / 2023
DOI 10.46272/2221-3279-2023-4-14-39-58

THE LIMITS OF COOPERATION OF VISEGRAD COUNTRIES AMID THE CRISES OF THE 2020S

Dr **Mikhail V. VEDERNIKOV** – Leading Research Fellow, Department of Central and Eastern European Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.
ORCID: 0000-0002-5046-719X. E-mail: vishma@mail.ru
11-3 Mokhovaya st., Moscow, Russia, 125009.

Received February 26, 2024

Accepted March 13, 2024

Acknowledgements. The article was supported by the Russian Science Foundation grant no. 23-78-01204, <https://rscf.ru/project/23-78-01204/>.

Abstract: The Visegrad Group (V4) that unites four post-socialist states (Hungary, Poland, Slovakia and Czechia) is currently the most recognizable, influential and long-lived regional entity in Central Europe. Nevertheless, in recent years, against the background of special domestic political development and external shocks, the "four" has entered upon a path of permanent crisis that has manifested itself in fading of many traditional formats of cooperation. In this regard, the purpose of this article is to analyze the fundamental reasons for the transformation that has begun, to indicate

the profundity of possible alterations and to outline the prospect of subsequent Central European interaction. It is noted that since the group formation in 1991 its actions have been unstable: periods of stagnation followed periods of tempestuous activity. The alternation of phases depended on many factors: the political preferences of politicians; the emergence of the agenda that unites the interests of all four states; favorable external conditions and etc. It is concluded that the V4 managed to “stay afloat” for more than 30 years as well due to organizational amorphousness of the group, the participation in its work of many political actors that sometimes had opposing views and obtaining of the certain added value from cooperation by member states. Besides, the “four” benefitted from the image acquired over the years of its work, even from a negative one. However, as shown in the article, by the time the special military operation in Ukraine began in February 2022, a wide range of contradictions had been accumulated within the group that openly made itself felt by reducing traditional cooperation formats, reconfiguring intra-group interaction models and beginning discussions about the forthcoming transformation of the group. The study raises the question of the “Visegrad crisis” as a window of opportunities, on the one hand, for individual Central European states (Poland and Czechia) declaring political ambitious amid the global reconstruction, on the other hand, for other regional associations (the Three Seas Initiative and the Bucharest Nine). It is predicted that the political alterations occurred at the end of 2023 in some V4 member states won't lead to alterations in the indicated trends in the Visegrad group development. Its participants will aspire for reduction of the group activity to cross-border cooperation and civil societies interaction.

Keywords: Visegrad Group, Central Europe, special military operation (SMO), regional integration

References:

1. Dostal V. (2020) Tsentral'naia Evropa, Vishegradskaia gruppа i perspektivy «Koronavirusnoi epokhi» optikoi Cheshskoi Respubliki [Central Europe, Visegrad Group and Prospects of the “Coronavirus Era” from the Optics of the Czech Republic]. *Vishegradskaia Evropa. Tsentral'noevropeiskii zhurnal [Visegrad Europe. Central European Journal]* 3(7): 5–13. (In Russian).
2. Gyárfášová O., Mesežnikov G. (2021) *Visegrad Four as Viewed by the Public Past Experience and Future Challenges*. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky. 54 p.
3. Hanley S., Vachudova M. (2018) Understanding the illiberal turn: democratic backsliding in the Czech Republic. *East European Politics* 3(34): 276–296. DOI: 10.1080/21599165.2018.1493457.
4. Chetverikova A.S. (ed.) (2022) *Predely samostoiateľnosti Vishegradskoi gruppy v ES [Limits of the Visegrad Group's autonomy in the EU]*. Moscow: IMEMO. 153 p. DOI: 10.20542/978-5-9535-0606-9 (In Russian).
5. Frumkin B.E. (2023) Obshchaia sel'skokhoziaistvennaia politika (sentiabr' – noiabr' 2023) [Common Agricultural Policy (September – November 2023)]. *Evropeiskii soiuz: fakty i kommentarii [European union: facts and comments]* 4(114): 41–45. DOI: 10.15211/eufacts420234145
6. Janebová P. (2022) *Trends of V4 states' policies in Eastern Europe*. Prague: AMO. 48 p.
7. Jiříčková A. (2015) *V4+ Defence Cooperation of the V4+*. Prague: AMO. 25 p.
8. Juzová J., Kasáková Z. (2023). *Kulatý stůl Národního konventu o EU na téma formáty regionální spolupráce z pohledu ČR*. Prague: EUROPEUM. 20 p.
9. Khotivirshvili A.A. (2023) *Migratsionnaia politika Evropeiskogo soiuz: Podkhody stran Vishegradskoi gruppy (2004–2020 gg.) [Migration Policy of the European Union: Approaches of the Visegrad Group Countries (2004–2020)]*. Moscow: Lenand. 200 p. (In Russian).

10. Kiss C.G. (2016) *Powinowactwa wyshehradzkie. Wspomnienia, szkice, eseje*. Warszawa. 242 p.
11. Kiss-Szemán R. (2006) Homo Visegradicus. In: Jagodziński A. (ed.) *The Visegrad Group: A Central European Constellation*. Bratislava: International Visegrad Fund, pp. 169–171.
12. Klaus V. (1997) Miloš Zeman a sociálnědemokratický Visegrád. In: *Václav Klaus obhajoba zapomenutých myšlenek*. Praha Academia, pp. 390–391.
13. Kolmaš M. (2023) Diverging perceptions of the “Visegrad Four+” format and the limits of the V4+Japan cooperation. *Asia Europe Journal* (21): 101–116. DOI: 10.1007/s10308-023-00669-7.
14. Křen J. (2019) *Čtvrt století střední Evropy*. Praha: Karolinum. 368 p.
15. Lukášek L. (2010) *Visegrádská skupina a její vývoj v letech 1991–2004*. Praha: Karolinum. 168 p.
16. Mikhalev O.Iu. (2022) Izmenenie mezhdunarodnoi roli Pol'shi posle nachala rossiiskoi spetsoperatsii na Ukraine [Poland's changing international role after the start of the Russian special operation in Ukraine]. *Sovremennaiia Evropa [Contemporary Europe]* (5): 34–47. DOI: 10.31857/S0201708322050035 (In Russian).
17. Nikitin V.V. (2020) Obraz Vishegradskoi gruppy v slovatskikh nauchnykh issledovaniiaxh [The image of the Visegrad Group in Slovak scientific research]. *Zapad – Vostok [West – East]* (13): 70–84. DOI: 10.30914/2227-6874-2020-13-70-84. (In Russian).
18. Nikitin V.V. (2020) Slovakiia i Vishegradskaia gruppа: evropeiskoe izmerenie [Slovakia and the Visegrad Group: European Dimension]. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS]* (5): 38–44. DOI: 10.15211/vestnikieran520203844 (In Russian).
19. Olenchenko V.A., Mezhevich N.M. (2021) Vishegradskaia gruppа i Baltiiskaia assambleia: koalitsii vnutri Evrosoiuzа v rossiiskom vneshnepoliticheskom vospriiatii [The Visegrad Group and the Baltic Assembly: Coalitions within the European Union in Russian foreign policy perception]. *Baltiiskii region [Baltic region]* 3(13): 25–41. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-2 (In Russian).
20. Orosz A. (2017) *The Western Balkans on the Visegrad Countries' Agenda*. Budapest: Institute for Foreign Affairs and Trade. 10 p.
21. Shishelina L.N. (2021) K 30-letiiu vishegradskoi gruppy: dostizheniia i perspektivy [On the 30th anniversary of the Visegrad Group: achievements and prospects]. *Sovremennaiia Evropa [Contemporary Europe]* (4): 26–36. DOI: 10.15211/soveurope420212636 (In Russian).
22. Shishelina L.N. (ed.) (2010) *Vishegradskaia Evropa: otkuda i kuda? Dva desiatiletiia po puti reform v Vengrii, Pol'she, Slovaki i Chekhii [Visegrad Europe: where from – where to? Two decades on the road to reform in the Czech Republic, Hungary, Poland and Slovakia]*. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 568 p. (In Russian).
23. Shishkina O.V., Mamedova L.K. (2023) Sotrudnichestvo stran Vishegradskoi gruppy v oblasti oborony i bezopasnosti: ispytanie ukrainskim krizisom [Defence and Security Cooperation of the Visegrad Group Countries: Tested by the Ukrainian Crisis]. *Problemy natsional'noi strategii [National Strategy Issues]* 4(79): 184–209. (In Russian).
24. Strážay T. (2019) When pragmatism wins: Slovakia in the Visegrad Group. In: Brezáni, P. (ed.) *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2018*. Bratislava: Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, pp. 67–74.
25. Strážay T. (2023) Central European challenges in Slovak foreign policy. In: Brezáni, P. (ed.) *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy*. Bratislava: SFPА, pp. 106–109.
26. Šitera D., Eberle J. (2023) Riziko triumfalismu: Ruská agrese a znovuvzkříšení Střední Evropy. In: Ditrych O., Eberle J., Metodíeva A. (eds) *Svět v proměnách 2023*. Prague: Ústav Mezinárodních vztahů, pp. 58–66.
27. Vedernikov M.V. (2017) Istoricheskie predposylki vishegradskogo politicheskogo stiliiа [Historical background of the Visegrad political style]. *Sovremennaiia Evropa [Contemporary Europe]* 7(79): 78–87. (In Russian).

28. Walsch C. (2022) Is the Visegrad Group disintegrating? A case study on the diversification of the Visegrad states' EU enlargement policy since 2014. *Eastern journal of European studies* (13): 53–72. DOI: 10.47743/ejes-2022-SI04.
29. Zvereva T.V. (2019) Evoliutsiia subregional'nykh ob»edinenii vnutri ES (na primere Vishegradskoi gruppy) [Evolution of sub-regional groupings within the EU (on the example of the Visegrad Group)]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law] 2(12): 181–196. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-181-196 (In Russian).